

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.16062

EDN: AVRCTN

Принцип антиномии в лирике А. А. Фета (исторические и поэтологические аспекты)

Т. А. Кошемчук

*Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
(г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: koshemchukt@mail.ru

Аннотация. Антиномичность рассмотрена как ключевой принцип поэтики А. А. Фета. В его стихах разворачиваются полярные ряды образов, резко противопоставляющие два отдельных мира. В исследовании обозначены два типа лирических оппозиций. Во-первых, дуальность высокого и низкого проявлена прежде всего как оппозиция в размышлениях о сущности поэтического: истинная поэзия, красота, вдохновение — псевдопоэзия, пошлость, трезвый расчет. Утверждая истинное, поэт с презрением отрицает ложное. Эта непримиримая противоположность относится к миру земному, горизонтальному плану бытия. В вертикальных же оппозициях второй группы стихотворений, которые можно отнести к области поэтической онтологии, обнаруживается не только напряженность дуальности земного мира и мира горнего, но и претворение ее в высшее единство. Полярность находит выражение в противопоставленных образах не по принципу оппозиции низкого и высокого, но как контраст высокого (земной красоты) и высочайшего (духовности высших сфер бытия). Это для поэта два равно желанных мира, и они связаны между собой разнообразными нитями: взглядом в горнее, созерцанием красоты мира, переживанием творчества или любви. Антиномичные миры пронизаемы друг для друга в вертикальных связях. В нисхождении высшего и восхождении земного достигается гармоническое претворение антиномий.

Ключевые слова: Фет, лирика, поэтическая онтология, антитеза, антиномия, двоемирие, противоположности, синтез, гармония

Для цитирования: Кошемчук Т. А. Принцип антиномии в лирике А. А. Фета (исторические и поэтологические аспекты) // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 4. С. 282–306. DOI: 10.15393/j9.art.2025.16062. EDN: AVRCTN

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.16062

EDN: AVRCTN

The Principle of Antinomy in A. A. Fet's Lyrics (Historical and Poetological Aspects)

Tatiana A. Koshemchuk

Saint Petersburg State Agrarian University
(Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation)

e-mail: koshemchukt@mail.ru

Abstract. Antinomianism is examined as a key principle in Fet's poetics. Polar series of images unfold in his poems, sharply counterposing two separate worlds. Two types of lyrical oppositions have been identified. First, the duality of high and low is manifested primarily as an opposition in reflections on the essence of poetry: true poetry, beauty, inspiration vs. pseudo-poetry, vulgarity, sober calculations. While affirming the true, the poet contemptuously denies the false. This irreconcilable contrast applies to the earthly world, to the horizontal plane of existence. The vertical oppositions of the second group of poems, which can be attributed to the sphere of poetic ontology, reveal not only the tension of the duality of the earthly world and the world above, but also its transformation into a higher unity. The polarity is expressed in the opposed images not according to the principle of the contrast of low and high, but as an opposition of the high (earthly beauty) and the highest (spirituality of the higher spheres of being). For the poet, these are two equally desirable worlds, and they are interconnected by various threads: direct gaze into the higher world, contemplation of beauty, the experience of creativity or love. Antinomic worlds are permeable to each other in vertical connections. In the descents of the higher and ascents of the earthly, the harmonious realization of antinomies is achieved.

Keywords: Fet, lyrics, poetic ontology, antithesis, antinomy, duality, opposites, synthesis, harmony

For citation: Koshemchuk T. A. The Principle of Antinomy in A. A. Fet's Lyrics (Historical and Poetological Aspects). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 4, pp. 282–306. DOI: 10.15393/j9.art.2025.16062. EDN: AVRCTN (In Russ.)

Значимость выбранной темы, развернутой в поэтологическом ключе, определяется долговременной литературоведческой традицией представлять А. А. Фета как раздвоенного поэта. Его личность, начиная с Д. С. Дарского (см.: [Дарский]), определялась ключевой для биографии и творчества поэта оппозицией Фет — Шеншин. Эта полярность конкретизировалась (Дарским и другими авторами) в целом ряде диадных проявлений: Марфа и Мария его души, толстый офицер — лирическая дерзость, жестокий помещик — тонкий поэт, прозаичность — поэтичность, мрачное презрение к жизни — культ красоты и т. д. Если Дарский, обрисовав непримиримые, казалось бы, оппозиции, подчеркивал в Фете цельность, единство подобных противоположений в одном творческом сознании, то большинство исследователей акцентировали именно антиномическую разорванность личности и поэзии Фета. Разрешению этой проблемы может способствовать исследование принципа полярности в фетовской поэтике. Но прежде нужно высказать несколько предваряющих соображений: об антиномичности в целом и в поэтическом преломлении, об отражении фетовской поэтики в русской и зарубежной филологической мысли.

В настоящее время рассмотрены антиномии в лирике ряда поэтов, начиная с Пушкина¹. В числе этих поэтов² и Фет. Авторы статей выделяют различные пары образов его стихотворений, прежде всего — обобщенные, присущие в действительности многим поэтам (такие как *он — она, раньше — сейчас, лето — осень, звук — тишина, радость — страдание*). Отмечают и такие фетовские темы, как *скука внешнего земного бытия — мечтания и радости мира внутреннего* [Сафонова] или *мрак осенней ночи — улыбка благосклонной феи* [Константинова]. Их вряд ли можно считать антиномиями, но, скорее, противопоставлениями. Очевидно, что подобная парность является постоянным признаком любой поэтической речи, ибо все сущности мира можно сопоставить между собой и противопоставить одну другой, создавая ряды метафор по принципу сходства или выявляемых различий — контекстных антонимических характеристик. Так, если упомянуть

¹ Проблема поставлена Т. Г. Мальчуковой. См.: [Мальчукова].

² Ряд исследований, посвященных проблеме антитезы в стихах разных поэтов, приводится в библиографии к статье: [Станиславская: 169–170].

одну из выделенных пар, *лето* можно противопоставить *зиме*, *весне* или *осени*, в самом *лете июнь* — *августу* в поэтических высказываниях на подобные темы. Но, говоря об антиномичности, или полярности, как принципе охвата бытия, стоит под термином «антиномия» понимать именно два противоположных (разведенных по принципу «да — нет») высказывания, которые мыслимы как истинные и только совместно. Поэтому эти противоположности, тезис и антитезис, требуют разрешения в какой-либо форме: синтез, снятие, преодоление. Нужно отметить, какие именно оппозиции присущи лирике поэта, выявить и описать характерные для него бинарности, от глобальных до индивидуальных, определить характер их соотношенности, остроту противопоставлений и, главное, при ее наличии, — интенцию поэта к преодолению дуальности. Сказывается ли в осмыслении полярностей их единство или же оно отрицается? Как проявляется духовная личность поэта в его антиномиях? Таковы вопросы, стоящие перед исследователями поэтических антиномий.

Фундаментальные оппозиции бытия в сквозном для истории человеческой мысли принципе дуальности, такие как *Бог* — *мир*, *идеальное* — *реальное*, *жизнь* — *смерть*, *разум* — *материя*, *человек* — *мир*, по-разному проявляют себя в различных мыслительных традициях. Так, в сфере безрелигиозного сознания главенствует аспект их борьбы; философы-идеалисты западной традиции от Платона до Канта и Гегеля говорят о единстве антиномий. И если для Канта, например, антиномия есть познавательная граница, то в контексте русской религиозной мысли антиномизм осмысливается как знаменующий границу лишь для сферы отвлеченного мышления. Но верующий разум поднимается над полярностями³, ибо, по о. П. Флоренскому, религиозное мышление устремлено к их преодолению, к «высшему религиозному единству» [Флоренский: 162]⁴.

³ В осмыслении А. Ф. Лосева: «Мы принимаем сразу и тезис, и антитезис каждой антиномии и объединяем их в живом синтезе» [Лосев: 155].

⁴ Исследователь антитетичности в богословской мысли о. П. Флоренского, свящ. Д. Горячев писал, что Флоренский, «первопроходец в вопросе богословской антиномии», как свой метод утверждал «нахождение равновесия между полярными явлениями» [Горячев: 4].

Переходя к лирической поэзии, в которой принцип полярности образов является характерной чертой поэтики начиная с эпохи Возрождения, нужно учесть опыт его описания в такой, казалось бы, частной литературоведческой области, как исследование сонета. Сонет был осмыслен как «диалектический» жанр по преимуществу⁵ и как основная форма поэзии: осуществляясь в этом качестве в историческом бытовании, сонет лишь ярче выявил в себе потенции диалектичности, чем иная поэтическая форма. В сонете ярко проявилась «возможность воплощения <...> антиномического характера бытия, восприятия и отражения его как единства противоположностей», как писал К. С. Герасимов. Исследователь ссылаясь и на сонет о сонете Шлегеля, утверждавшего как идеал поэзии «чистую соразмерность противоположностей» („...reines Ebenmaß der Gegensätze“) [Герасимов: 23], которая нередко, впрочем, в сонете нисходила до игры в антиномии.

Всякому ли поэту удастся в своих стихах утвердить эту *чистую соразмерность* (по Шлегелю), этот *живой синтез* (по Лосеву)? Или, наоборот, поэт склонен акцентировать антиномичностью поэтики трагическую разорванность мира? Так можно конкретизировать ситуацию полярности образов у того или иного поэта.

Следует обратить внимание и на особенности изучения фетовской поэтики. Она была объектом пристального внимания советских филологов в XX в., получив свое обобщающее отражение в обширных статьях Б. Я. Бухштаба. Они сохраняют свое непреходящее значение, несмотря на то что отягощены резким осуждением фетовского пристрастия к «чистому искусству» и к антисоциальным темам. В его работах учтен опыт критиков конца XIX — начала XX в. Прежде всего исследователем отмечена сущностная особенность лирики Фета — передача неуловимого и мимолетного, или же «грез» и «снов». Обращение к этой стихии Бухштаб истолковывает как «своего рода эстетический догмат» Фета [Бухштаб: 40],

⁵ Эта мысль впервые обоснована в хорошо известной на Западе монографии о сонете В. Мёнга („Das Sonnet. Gestalt und Geschichte“), согласно которой сонет — это форма для диалектической мысли, причем «диалектическая структура сонета визуально различима в его строфическом членении» [Mönch: 33].

которому соответствуют все особенности его поэтики — от акцентуации эмоционального ореола слов до звукописи. Авторитетный ученый еще раз подтвердил общую мысль многих исследователей о богатстве формы, которому противостоит бедность содержания. Антиномичности как особенности поэтики Фета Бухштаб не касается. Современные исследования фетовских «антиномий» делают лишь первый шаг — обозначают постановку проблемы. Англоязычные авторы почти не касаются ни поэтологии, ни поэтики Фета: чаще всего они основываются на идеях широко известного на западе труда “History of Russian Literature” (1926, 1927)⁶ Д. П. Святополка-Мирского⁷. Опуская его категорические негативистские оценки Фета как человека («подхалим и лизоблюд», «эгоистичен, скрытен и циничен», «атеист и антихристианин» [Мирский: 358, 359]), западные исследователи развивают суждения Святополка-Мирского о нем. Они характеризуют Фета как поэта чистого искусства, известного стихами о природе, напоминающими Верлена; отмечают его пантеизм, музыку ассоциаций; говорят об эволюции поэта в 1860-е гг. в метафизическую сторону и о появлении «вечных вопросов»; признают лучшими любовные стихи (обнаруживая в них фрейдистские оттенки). Характерно, что авторы обобщающих сочинений по истории русской поэзии на английском языке следуют не только суждениям Мирского, но и его выбору главного стихотворения. Единственный текст, который целиком приведен Мирским, — «Буря на небе вечернем...», и именно он, единственный, подробно разобран М. Вахтелем [Wachtel: 113]. Характерно и то, что обобщающий обширный труд на английском языке, «История русской поэзии», акцентируя приверженность Фета «чистому искусству» (“Russia’s only major poet of the art-for-art’s-sake tendency”⁸ [Bristol: 140]), вслед за Мирским

⁶ Русский перевод этого обширного труда появляется лишь в 90-е гг. XX в. См.: [Мирский].

⁷ В изданиях его трудов и в исследованиях о нем встречаются псевдонимы: Д. Мирский, Д. С. Мирский (см.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1957. Т. 2. С. 190).

⁸ «Единственный крупный русский поэт, придерживающийся направления “искусство для искусства”» (перевод мой. — Т. К.).

отказывает стихам Фета в глубине: “His themes seem to be less important than his impressionistic style”⁹ [Bristol: 140]. Фет преподносится как поэт-новатор, но не поэт мысли, даже при констатации религиозных мотивов в позднем творчестве [Bristol: 143]. При этом идущая от Мирского оценка фетовских стихов как мыслительно скудных и сам отбор стихотворений для анализа направляют мысль исследователей к привычной констатации параллелизма между сознанием поэта и природой, но не к антиномиям как черте его мировидения и поэтики. Это относится и к выбору Вахтелем стихотворения «Буря на небе вечернем...» в качестве представительного для всей лирики Фета, и к отбору немногих стихотворений у Бристоль.

В настоящее время философским и религиозным темам Фета посвящен целый том серии “Pro et contra” [А. А. Фет], собравший размышления критиков, противостоящих господствовавшему ранее тезису о бедности содержания в стихах поэта. Фетовская поэтика, в том числе образный антиномизм, также нуждается в дальнейших углубленных исследованиях.

Принцип полярности не только воплощен Фетом в стихах, но и осмыслен теоретически: «Все живое состоит из противоположностей: момент их гармонического соединения неуловим, и лиризм, этот цвет и вершина жизни, по своей сущности, навсегда останется тайной», — писал Фет в его известной статье о поэзии Тютчева [А. А. Фет: 61]. В ней он как исследователь разгадывает тайны тютчевской *поэтической мысли*. Этот термин, «поэтическая мысль», Фет вводит впервые [А. А. Фет: 53–55] и связывает его со средствами ее выражения: «...художественность формы — прямое следствие полноты содержания» [А. А. Фет: 62]. Так, мысль Фета о *противоположностях* и об их трудноуловимом *гармоническом соединении* как признаке истинного лиризма можно принять как ключ к теме.

Отметим сразу факт, подлежащий исследователю: полярности в фетовской лирике наиболее остро выражены в одной особенной теме — теме поэзии. Для нее характерна предельная

⁹ «Его темы представляются менее значимыми, чем его импрессионистический стиль» (перевод мой. — Т. К.).

дуальность: *поэт и пошлый мир, поэт и толпа*. И не случайно эта тема воплощена в сонетной форме — в «Сонете» («Когда от хмелю преступлений...»). «Толпа» первого катрена (тезис сонета) «развратна», «буйна», погружена в «хмель преступлений», подчинена «злому гению», который «влачит в грязи» творческое величие («мужей великих имена») [Фет: 291]. Глумление над высшим, унижение великих творцов является в сонете ключевым пунктом для неприятия «толпы», подвластной «злому» духу эпохи. Его бескомпромиссное отрицание¹⁰ выражено в антитезисе второго катрена: «Мои сгибаются колени...» [Фет: 291]. Терцеты развивают мысль далее: поэт во внутреннем храме своей души («в тени таинственного храма») противостоит злу эпохи. Он обращен к поэтам-предшественникам не только преклонением перед их величием («голова преклонена») и их восхвалением («волны фимиама»), но смиренным ученичеством: он учится — «внимать» им как «наставникам» и дышать их воздухом,

«...забывая гул народный,
Вверяясь думе благородной...» [Фет: 291].

Так сонет завершается заострением антитезы: *толпа, втаптывающая в грязь величие, — поэт, вверяющий себя ему*. Нота первого катрена звучит в концовке сонета еще раз отнюдь не ради синтеза, а с целью окончательного отрицания: «...забывая гул народный...». Ему противопоставляется радикально иное — *благородство дум* («...вверяясь думе благородной»), так что рифмующиеся слова с антонимическим звучанием (*народный — благородной*) являются по сути антирифмой, подчеркивая остроту дуальности.

Та же антиномия выражена в стихотворении «Поэтам»: здесь то же коленопреклоненное благоговение перед поэзией с ее «чертогами». Это образ культуры как величественного здания, воздух которого благоприятен для поэта: «В ваших чертогах мой дух окрылился...» [Фет: 119]. Итог этого ученичества-окрыления — способность видеть правду «с высей творенья»

¹⁰ Противопоставленность двух катренов отмечена в статье В. Н. Захарова: «...буйству "развратной толпы" и "злого гения" противостоят "властительные тени" и их письма...» [Захаров: 172].

и созерцать «родное небо». Презрительный жест отрицания в адрес оставленного низкого земного выражен поэтом в концовке:

«С торжищ житейских, бесцветных и душных...» [Фет: 120].

Обозначив в единственной строке то, что подвержено предельному неприятию, «торжища», мысль поэта обращается вновь к утверждаемому им многокрасочному миру поэзии:

«Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
Неба родного мне чудятся ласки» [Фет: 120].

В ситуации этого стихотворения та же острота полярности. Душная жизнь в образе города, в низшей его грани, противопоставлена *чертогам* и *родному небу*, являющему свою благосклонность. Так неразрешимые антиномии *низкой жизни* — *духовной высоты*, *плоти мира* — *духа*, выраженные в паре образов *торжище* — *родное небо*, звучат как резкое противостояние несоединимого. Целый ряд отражений той же диадности можно отметить в сопутствующих иным фетовским темам образах. Например, в стихах, обращенных к близкому человеку, которому есть доступ в закрытый для толпы «храм», будь то возлюбленная или друг поэта. Так, в стихотворении «Постой! здесь хорошо!..» «тишина» противостоит «мятежным звукам» отрицаемого поэтом мира:

«Какая тишина! Из-за горы высокой
Сюда и доступа мятежным звукам нет» [Фет: 82].

Та же резкая полярность находит место в стихотворении «В душе, измученной годами...»: образ храма, сакральная ценность поэта — «неприступный чистый храм» души, «девственный тайник» [Фет: 289], где нетленно хранятся все сокровища жизни. Он противопоставлен «миру», которому вход в этот храм закрыт: туда «хотя б и мог, скорей иссохнет, / Чем путь укажет мой язык» [Фет: 289]. В этой радикальной недопустимости «мира» в «храм» еще раз выражен острейший конфликт полярностей: «я», *поэт* — *мир*, *народ*, *толпа*. Он же выражается вскользь, например, в обращении поэта к Музе («Надолго ли опять мой угол посетила...»). В нем очевидна

контрастность поэтического состояния, навеянного Музой, и сферы житейской:

«Как сладко, позабыв житейское волнение,
От чистых помыслов пылать и потухать...» [Фет: 276].

В оппозиции *чистые помыслы* — *житейское волнение* последнее подлечит даже не отрицанию, а забвению.

Эта линия в поэзии Фета кульминирует самым категоричным отрицанием житейской пошлости в образах «рынка», «желудка», «затхлой площади», «грязи» [Фет: 297] в стихотворной инвективе «Псевдопоэту». Высшим воплощением пошлости выступает псевдопоэт, служащий ей, а абсолютным противопоставлением ему — «чистый храм» муз, «богомольное» вознесение в «свежую мглу» поэзии, близкую истинному поэту, «любимцу муз» [Фет: 297]. Псевдопоэту полагается молчать, когда перед ним упоминают истинного поэта, «любимца муз», само имя его есть как бы «страшный суд» для адресата фетовских обличений. Так, в этом стихотворении развернуты ряды противостоящих образов, выражающих полную и бескомпромиссную противоположность поэзии и псевдопоэзии. К ряду названных полярностей относится и оппозиция «свобода — низкопоклонство». Псевдопоэт, служащий пошлости толпы, есть «продажный раб», которому неведома *свобода* [Фет: 297].

Фетовская мысль здесь явно созвучна пушкинскому пониманию свободы, противопоставленной поклонению как народу, так и тирану в стихотворении «Из Пиндемонти»:

«Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно?» [Пушкин: 336].

Фету было близко пушкинское отношение к народу в одной из важнейших его граней — в принципе аристократизма в понимании искусства: «Молчи, бессмысленный народ...» [Пушкин: 85]. Но если у Пушкина эта категорическая тональность *“Procul este, profani”* была характерна для одного из аспектов темы (неспособность народа быть судьей в искусстве), то у Фета в теме искусства и народа эта тональность презрения была главенствующей. Фет не знал и не искал компромисса,

особенно в эпоху противостояния агрессивному народопоклонству, которое господствовало в литературно-критической школе революционной демократии. Так что и в лирике Фета, обращенной к теме поэта и народа или попутно затрагивающей ее, нет ни малейшего стремления к примиряющему синтезу. Предельно напряженная фетовская антиномия *житейское, пошлое, псевдопоэтическое — высшее, истинно поэтическое, духовное* не имеет никакого шанса на снятие¹¹.

Однако отмеченная дуальность не отличается всеобъемлющим характером, она локализована внутри горизонтальной, земной плоскости бытия. Тем не менее ее непримиримость определяется именно открытостью высшему измерению. Ибо псевдопоэтической пошлости неведом выход в «свежую мглу» горнего мира, она даже не подозревает о его существовании, как неведома ей и духовная свобода, сведенная ею в сферу политики.

Иные, более глубокие антиномии доминируют в поэзии Фета, их сфера — поэтическая онтология. Речь идет о противопоставлениях двух планов бытия: *земное — небесное, человеческое — божественное*. Как раз в этих диадах, вертикально ориентированных, захватывающих высший бытийный уровень, обнаруживаются явные связи, соединяющие нити.

Так, в обращении к Богу («Не тем, Господь, могуч, непостижим...») поэт говорит о Его «непостижимости»: она не только в величии и законосообразности сотворенного Им космоса, но прежде всего в самой сущности человека:

«...я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной» [Фет: 105].

Душа человека, согласно Фету, по своей природе есть огонь, подобный огню звезд и пламени высших иерархий. Эта мысль преодолевает глубокий дуализм: *видимая ничтожность*

¹¹ В отмеченном фетовском презрении можно усмотреть прихотливость и своеволие его мысли, что отличает его от пушкинской гармоничной мыслительной многогранности. Подобное отмечает исследователь и в различии концепций времени, вытекающем из общего положения: «Фет олицетворяет в истории русской романтической лирики сам процесс перехода от рационализма, еще сохранявшего свои позиции в лирике Пушкина, к прихотливо ассоциативному типу творчества» [Смирнов: 99].

человека, его «я» («...я — добыча суеты, / Игралище ее непостоянства...») — *вечность Бога и высших духов*. Соединяющее начало — огонь, который «ни времени не знает, ни пространства» [Фет: 105], «вечный» и «вездесущий», как и сам Бог. Бог и душа человека едины по их огненной природе — эта постижимая для рационального осмысления, но пережитая поэтом идея выражена в тональности глубокого изумления.

В стихотворении Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...»¹² *горний мир*, объект устремлений души поэта, противопоставлен *земному миру* в диадах: *свет звезд — мрак, вечность — время*. Высший мир доступен взору поэта:

«...доступна вся бездна эфира...» [Фет: 98].

В этой «бездне» открыт для взора поэта и ее центр, «солнце мира», отблеском лучей которого является все в мироздании. Оно разделено на два уровня: «плотское» и «бесплотное», но между ними есть соединяющее начало, это их общий первоисточник, «солнце мира». Между «солнцем мира» в ночи и душой поэта, который «прямо» смотрит в него, нет границы, созерцанию поэта открывается пламя этого вечного солнца, и оно благотратно воздействует на его душу:

«Легко мне жить и дышать мне не больно» [Фет: 98].

Это достижимое гармоническое соединение полярных миров есть суть и смысл этого стихотворения поэта и его высочайший духовный взлет, запечатленный в стихах.

Звезды, говорящие с душой поэта (стихотворение «Среди звезд»), казалось бы, противостоят ей: «Вечность — мы, ты — миг», мы — «беззакатный день», ты — в «сумраке непроглядном», «мысль» человека не может догнать «думы вечной»; на земле «всё темно и скудно», в глуби звезд — «пышно и светло»; в мире земном «дышать так трудно» — среди звезд «отрадно» [Фет: 97]. Но это напряжение противоположностей снимается, как бы от лица звезд — в их «мы», в утверждаемом ими нисхождении: они «горят» навстречу взору поэта:

¹² См. подборку об этом стихотворении из статей разных авторов: «О стихотворении А. А. Фета "Измучен жизнью, коварством надежды..."» [А. А. Фет: 835–853].

«...когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где всё темно и трудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло» [Фет: 97].

Идею сопряженности двух миров несет в себе и стихотворение «Я потрясен, когда кругом...». Это прямое обращение к Богу: на Него Фет указал эпиграфом из державинской оды «Бог» («Дух всюду сущий и единый»). Бог, непостижимый, все Собою наполняющий (как звучит у Державина в цитируемой строке из оды), есть адресат фетовского послания. Если величие грозных стихий мира вызывает у поэта изумление (первая строфа), то высшую степень потрясенности и восторженную немоту перед Его «властью неземной» душа поэта переживает (вторая строфа) в час, когда «светлый ангел шепчет <...> / Неизреченные глаголы» [Фет: 112].

Здесь повторяется мысль Фета о глубине человеческой души: сама природа души — вот истинное просветленное потрясение. К ней напрямую обращен «светлый ангел». В душе в «томленьях крайнего усилья» рождается ответный порыв — устремление «в небо». Вновь поэт утверждает: не может быть границы между парящей душой, в ее взлете, и небом:

«...верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья» [Фет: 113].

Различные природные лики позволяют созерцать «непорочную красу» мира и отражаются в устремлении души поэта к миру горнему. Так, в стихотворении «Есть ночи зимней блеск и сила...», когда «тени» и «тревожный ропот» лета исчезают, обнажаются небеса, высшая сущность пейзажа:

«...тем всевластней, тем заметней
Огни безоблачных небес» [Фет: 313].

Прямое откровение красоты поэт переживает как своего рода мгновенное посвящение по высшей воле всеведущего Бога. И вновь результат — это «прямой» взгляд в горнее, преодолевающий границу между противоположными мирами. Отсюда рождается понимание сущности природного бытия:

«Как будто волею всезрящей
На этот миг ты посвящен
Глядеть в лицо природы спящей
И понимать всемирный сон» [Фет: 313].

Высший мир легко достижим, как это показано в стихотворении «Одним толчком согнать ладью живую...»: одним усилием можно оттолкнуться от земного берега и подняться к высшему. Этот берег, «наглаженный отливами», как и пейзажи в других отмеченных стихотворениях, — не обычная жизнь, но мир природной красоты. Высший же и прекраснейший мир — тот, куда душа стремится как на свою родину. И поэт может

«Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветер с цветущих берегов,
Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упитьсь вдруг неведомым, родным...» [Фет: 116].

Так описывается в стихотворении то, что *может* поэт, в чем его «признак и венец», чем «певец лишь избранный владеет». Он *может* совершить это путешествие к «цветущим берегам» горного мира, более того, выразить свой опыт в слове, по крайней мере, «шепнуть» [Фет: 116] об этом.

Платонически оркестрованная дуальность, «двойное бытие» в стихотворении «Заря прощается с землею...» утверждается поэтом как опыт созерцания деревьев на заре, в свете солнечных лучей, и пейзаж становится своеобразным уроком для мысли, ибо деревья и есть существа двух миров, живые символы их соединения и их равной ценности:

«Как будто, чуя жизнь двойную
И ей овяны вдвойне, —
И землю чувствуют родную
И в небо просятся оне» [Фет: 214].

Итак, антиномичное противостояние двух миров, земного и небесного, многократно утвержденное поэтом, отмеченное здесь в ряде стихотворений, преодолимо прежде всего благодаря красоте природного мира, поднимающей ввысь душу поэта, и благодаря ответной нисходящей благодати высшего мира. Но то же искомое соединение полярного инициируется

и иными переживаниями. Прежде всего оно осмысливается поэтом как дар земной любви: «...двойное бытие вручила ты...» (курсив мой. — Т. К.) («Томительно-призывно и напрасно...») [Фет: 95]. Любовь дает поэту возможность пережить неразрывное единство душ — человека земного, здесь, в мире, и умершей возлюбленной, там, на небесах.

Ощутить тонкие связи между мирами может лишь чуткое сердце; оно, как пишет Фет в стихотворении «Другу», «чует невыразимое ничем»,

«То, что в явлении незаметном
Дрожит гармонией дыша,
И в тайнике своем заветном
Хранит бессмертная душа» [Фет: 473].

Гармония, скрытая, *дрожаящая* в незаметном явлении, открывается сердцем и передается другу «лучом из ока в око». И этот миг примиряет «со всем, что мучило жестоко» [Фет: 474]. Так, подобно любви, и дружба может без слов подарить переживание горнего.

Мост между мирами создается и в творчестве — благодаря нисхождению Музы, «нетленной богини» [Фет: 301], которая, напрямую обращаясь к душе поэта, осуществляет это единство, как в стихотворении «Надолго ли опять мой угол посетила...» [Фет: 275].

Разделенность миров может быть ослаблена и благодаря надежде, живущей в душе («Какая грусть! Конец аллеи...»). Сначала выявляется острая дуальность: зимний пейзаж, холод, ветер, белизна земного мира — и «весна и красота» мира горнего. Холоду первого противостоит тлеющая надежда, что «опять душа помолодеет, / Опять родной увидит край» [Фет: 161], то есть тот мир, родину души, где

«бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, —
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота» [Фет: 161].

Еще одна связующая миры нить — сны поэта:

«Сны и тени,
Сновиденья,

В сумрак трепетно манящие...» [Фет: 192].

Сны влекут далее, к «переходу сокровенному», к «свету отдаленному» — вплоть до сумрачного «свода», минуя который души становятся тенями и покидают «покрывала» телесности [Фет: 192, 193].

Тонкие переживания высшего, незримого, но ощутимого, также могут вести к искомой гармонии. Неявная связь миров выражена в стихотворении «Вчерашний вечер помню живо...». Звезды, отраженные в фонтане, сохранились в памяти поэта. И, хотя новая ночь скрывает их в тумане, поэт не только помнит о них, но и переживает невидимое присутствие высшего:

«Но не томлюсь среди тумана,
Меня не давит мрак лесной, —
Я слышу плеск живой фонтана
И чую звезды над собой» [Фет: 192].

Слышание неслышимого и видение невидимого, прихотливые тонкие связи между мирами — подобные мотивы можно отметить в десятках стихотворений Фета. Эти чувства пронизывают весь фетовский поэтический мир и в вертикальном его измерении, и в горизонтальной плоскости земного бытия.

Так, связующая сила любви, дружбы, творчества, мечтаний, снов, ощущений и надежд гармонизирует отношения между разными планами бытия. Однако главное переживание, выраженное в стихах, которое снимает противостояние мира высшего и земной жизни, — это утверждаемое поэтом *прямое смотрение* в горнее. Речь идет о созерцании высшего и о рожденной поэтом мысли о соединимости полярных миров, о мосте между ними, который выстраивается непосредственно в проникновенных восхождениях души к «жизни мировой». Отметим дополнительно некоторые особенности отношений поэта и горнего мира.

У фетовских переходов между планами бытия при всей их легкости есть некое условие. Оно высказано в стихотворении «Нельзя»: если «земного путника манит» то, «что видимо для ока» [Фет: 475], то для поэта возможность духовного взлета связывается с исчезновением дневного света и ночным мраком:

«В движеньи, в блеске жизни дольной
Не сходит свыше благодать:
Нельзя в смятенности невольной
Красы небесной созерцать.
Нельзя с безбрежностью Творенья
В чаду отыскивать родства,
И ночь, и мрак уединенья —
Единый путь до Божества» [Фет: 476].

Так поэт формулирует условие преодоления грани между полярными планами бытия, обозначенными в напряженных оппозициях: *жизнь дольная, движение, блеск ее, смятенность души и чад бытия — благодать, сходящая свыше, краса небесная, безбрежность Творенья, Божество*. Восхождение от первого ко второму обусловлено ночным отстранением от дольного, одолением смятенности чувств.

Нередко у Фета переход от земного к высшему переживается именно в ночных ландшафтах (примерно в половине отмеченных здесь стихотворений). В иной, дневной час поэт ощущает труднопреодолимую грань между двумя сферами гораздо острее — об этом говорится в стихотворении «Ласточки». В нем стремительный полет птицы над гладью вод знаменует противостояние: хрупкое крыло и вода, «запредельная» стихия. «Я» поэта уподобляется ласточке, задевающей «молниевидным» крылом водную границу. Душа поэта «дерзает на запретный путь», «стихии чуждой, запредельной, / Стремясь хоть каплю зачерпнуть» [Фет: 108].

Это возможно: как ласточка, существо воздуха, касается воды, чуждой ей стихии, так и человек может прикоснуться к *запредельному*. Б. В. Никольский определил смысл этого стихотворения: «...сравнением с ныряющей ласточкой поэт, очевидно, хотел намекнуть на коренную жажду сверхчувственного, потустороннего познания, присущую духу человеческому» [Никольский: 483]. Значимый нюанс в образной параллели стихотворения (воздух — вода) — опасность этой *коренной жажды* для бренного человека, необходимость *дерзания* духа в стремлении к *запретному*. Но стихотворение утверждает эту возможность — зачерпнуть свою «каплю»:

«Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь...» [Фет: 108].

Характерна для фетовских переживаний горного и легкость обратного перехода. Так, поэт, слушая в ночи «глагол стихийной жизни, отрешенной» (стихотворение «Весна и ночь покрыли дол...») [Фет: 472], вновь утверждает созвучие миров, но здесь в фокусе его внимания — нисхождение «неземного бытия»:

«И неземное бытиё
Свой разговор ведет с душою
И веет прямо на нее
Своею вечною струею» [Фет: 472].

Далее описывается возвращение в дневное бытие, которое приемлет душа: «И встретить очевидный день / Душа с восторгом вылетает» [Фет: 472]. Так при всей разделенности противостоящих миров поэт переживает родство и с нетленным небесным миром, и с прекрасным миром земли, к которому он возвращается без драматизма, без горечи, как это было показано, например, в стихотворениях Тютчева, у которого созерцание высшего и родного для души мира сменяется драматическим, горестным возвращением из «чистого пламенного эфира» к тусклому, тенеподобному существованию¹³:

«...конец виденью,
Его ничем не удержать,
И тусклой, неподвижной тенью,
Вновь обреченных заключенью,
Жизнь обхватила нас опять» [Тютчев: 96].

На фоне драматичности тютчевских «платонических» стихотворений, в которых высказывается душа как «жилица двух миров», стоящая «на пороге / Как бы двойного бытия» [Тютчев: 75], нельзя не отметить редкостную фетовскую гармонию между красотой земли и духовностью мира высшего, равно желанными.

¹³ См. об этом: [Кошемчук].

Глубочайшая примиренность полярностей в мире «божески едином» ознаменована Фетом в стихотворении «Кричат перепела, трещат коростели...»:

«Приснится мне опять весенний светлый сон
На лоне божески едином,
И мира юного, покоен, примирен,
Я стану вечным гражданином» [Фет: 284].

По мысли поэта, в будущем, после смерти, в светлом царстве вечности будут обретены окончательное успокоение и полная гармония.

В отмеченном ряде стихотворений можно усмотреть проявления гармонии противоположностей, или же фетовского поэтического дуомонизма. Так можно обозначить характерную черту мироощущения Фета — утверждение двуединства миров.

Завершить рассмотрение фетовских антиномий можно едва ли не единственным стихотворением, где у Фета соединились две отмеченные выше линии (непримиримость земных оппозиций и гармония иерархически противопоставленных планов бытия). В стихотворении «Quasi una fantasia» говорится о соединении земной природной красоты и высшего мира. Оно переживается в легкости восхождения, когда, как пишет поэт, «надо мною / Высь светла» [Фет: 317]. Тогда открывается возможность без усилий подняться в желанный мир, который не отделен непроходимо от светлой весенней природы:

«Без усилий
С плеском крылий
Залетать
В мир стремлений,
Преклонений
И молитв...» [Фет: 317].

Но в стихотворение неожиданно вторгается иная тема: мысль поэта обращается вдруг к низкому миру с его борьбой, которая есть та же пошлость, то же пристрастие *бессмысленной толпы*. Отсюда категоричность итогового суждения-отрицания, бескомпромиссного противопоставления:

«Радость чуя,
Не хочу я
Ваших битв» [Фет: 317].

Дуальность планов, которая структурирует фетовскую лирику, двояко проявлена в этом стихотворении: гармоническое соединение вертикальных полярностей и острота земных противостояний.

Итак, ключевым принципом поэтики Фета является антиномичность, выраженная и по-разному осмысленная им в двух рядах стихотворений. Для фетовской поэзии, как было показано, характерны два основных типа лирических оппозиций. Первый из них характеризует сферу творчества: *истинная поэзия* и *псевдопоэтическая пошлость*. Эта антиномия предельно заострена поэтом и не предполагает никакого смягчения. Поэт отказался от примирения двух земных сфер — низшей (корысти и борьбы) и высшей (красоты и творчества). Резкая дуальность темы не стала для него источником трагизма или безысходности в переживании мира, ибо душа поэта не привязана к земному, а сама эта антиномия охватывает лишь одну из составляющих земного мира, она локализована в горизонтальной плоскости бытия, внутри мира здешнего.

Второй тип оппозиций относится к сфере всеобъемлющего, универсального бытия: *мир горний* и *мир земной*. Это противостояние выражено в десятках кульминационных стихотворений Фета, несущих в себе глубокую философскую мысль. Полярности конкретизируются в этих стихотворениях Фета как *высший мир духа* — *мир земной красоты*, как высокое и высочайшее, в равной степени желанные для поэта миры при всей их вертикальной несоизмеримости. Интенция к преодолению дуальности в полной мере сказывается в целом ряде стихотворений: поэт выстраивает явные или скрытые в образной ткани антиномии и одновременно соединяет их тем или иным способом. Для поэта словно не существует непреодолимой грани между противоположными сферами: объединяющая их красота делает высший мир, объект устремлений поэтической мысли, проницаемым и достижимым. Вертикальные оппозиции этой группы стихотворений претворяются в высшее единство

на религиозно намеченных путях (именно намеченных, никогда не данных в явном перевесе духовного или мыслительного над образным).

Охарактеризовав эти типы фетовских антиномий, можно перейти к целому ряду исходящих из них оппозиций и противопоставлений, будь то *время — вечность*, *день — ночь* и многие другие. Размышляя о фетовском мировоззрении, стоит еще раз подчеркнуть интенцию преодоления диадности, окрашенную проникновенным чувством *миров иных*, устремление к нераздельной двойственности бытия, к соединению антиномий в *чистую соразмерность* по Шлегелю, в проникновенную гармонию, многократно запечатленную поэтом. Эта соразмерность, связанность высшего и земного есть в точном значении слова — религия¹⁴, RELIGIO.

Список литературы

1. А. А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022. 960 с. (Сер.: Русский Путь.)
2. Бухштаб Б. Я. А. А. Фет // Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 5–78. (Сер.: Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.)
3. Герасимов К. С. Диалектика канонов сонета // Гармония противоположностей: аспекты теории и истории сонета. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1985. С. 17–51.
4. Горячев Д., свящ. Антиномика Флоренского. Белгород: Политекра, 2022. 172 с. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49483089_21152169.pdf (10.05.2025). EDN: UZYFVK
5. Дарский Д. С. «Радость земли»: исследование лирики Фета. М.: К. Ф. Некрасов, 1916. 207 с.
6. Захаров В. Н. Концепция романа как творческий диалог Толстого и Достоевского: «Война и мир» и «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 2. С. 159–176 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1748517323.pdf (10.05.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2025.15202. EDN: TBLEDG
7. Константинова С. К. О некоторых особенностях поэтических антиномий А. А. Фета // Курское слово. 2010. № 7. С. 43–47 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24930581_67132699.pdf (10.05.2025). EDN: UZOLOZ
8. Кошемчук Т. А. О платонизме в поэзии Тютчева и композиции «платонических» стихотворений // Онтология стиха: сб. ст. памяти В. Е. Холщевникова. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2000. С. 210–227.
9. Лосев А. Ф. Философия имени. М.: Изд-во МГУ, 1990. 269 с.

¹⁴ От глагола *religare* (лат.) — связывать.

10. Мальчукова Т. Г. Антитезы и антиномии в поэзии А. С. Пушкина (к постановке вопроса) // Проблемы анализа художественного текста: к 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова: мат-лы междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3–5 июня 2014 г.) / отв. ред. Л. Л. Шестакова, Н. В. Патроева. Петрозаводск: ПетрГУ, 2014. С. 62–65. EDN: TCPSTL
11. Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 882 с.
12. Никольский Б. В. Основные элементы лирики Фета // А. А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022. С. 477–498. (Сер.: Русский Путь.) EDN: XITOUR
13. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977. Т. 3. 496 с.
14. Сафонова Т. В. «Тоскливый сон прервать единым звуком». Антитеза в лирике А. А. Фета // Русская речь. 2007. № 5. С. 13–15 [Электронный ресурс]. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2007-5/13-15?ysclid=mf-nzrbdm2c727534613> (10.05.2025).
15. Смирнов А. А. О двух романтических концепциях времени (Пушкин и Фет) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. Вып. 2. С. 94–101 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2363> (10.05.2025). EDN: SFOKFH
16. Станиславская С. А. Антитеза как структурно-семантический принцип организации поэтического текста (на материале поэзии Анны Ахматовой) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 166–170 [Электронный ресурс]. URL: https://bonjour.sgu.ru/sites/bonjour.sgu.ru/files/text-pdf/2023/05/9_s_a_stanislavskaya_1.pdf (10.05.2025). DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-2-166-170. EDN: GAEDDC
17. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: в 6 т. М.: Классика, 2003. Т. 2. 640 с.
18. Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. 899 с. (Сер.: Б-ка поэта. Большая серия. 2-е издание.)
19. Флоренский П. А. [Сочинения]. М.: Правда, 1990. Т. 1 (I): Столп и утверждение истины. 490 с. (Сер.: Прилож. к журн. «Вопросы философии». Из истории отечественной философской мысли.)
20. Bristol E. A History of Russian Poetry. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. 372 p.
21. Mönch W. Das Sonnet. Gestalt und Geschichte. Heidelberg: F. H. Kerle Verlag, 1955. 341 s.
22. Wachtel M. The Cambridge Introduction to Russian Poetry. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2004. 166 p. EDN: QSUAMN

References

1. A. A. Fet: *pro et contra: antologiya* [A. A. Fet: *Pro et Contra: An Anthology*]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2022. 960 p. (Ser.: The Russian Way.) (In Russ.)
2. Bukhshtab B. Ya. A. A. Fet. In: *Fet A. A. Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Fet A. A. *The Complete Collection of Poems*]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1959, pp. 5–78. (Ser.: Library of the Poet. Large Series. 2nd Edition.) (In Russ.)
3. Gerasimov K. S. The Dialectic of the Sonnet Canons. In: *Garmoniya protivopolozhnostey: aspekty teorii i istorii soneta* [The Harmony of Opposites: Aspects of Sonnet Theory and History]. Tbilisi, Tbilisi State University Publ., 1985, pp. 17–51. (In Russ.)
4. Goryachev D., Priest. *Antinomika Florenskogo* [Florensky's Antinomies]. Belgorod, Politerra Publ., 2022. 172 p. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_49483089_21152169.pdf (accessed on May 10, 2025). EDN: UZYFVK (In Russ.)
5. Darskiy D. S. “*Radost' zemli*”: *issledovanie liriki Feta* [“The Joy of the Earth”: A Study of Fet's Lyrics]. Moscow, K. F. Nekrasov Publ., 1916. 207 p. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. The Concept of the Novel as a Creative Dialogue Between Tolstoy and Dostoevsky: “War and Peace” and “Crime and Punishment”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 2, pp. 159–176. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1748517323.pdf (accessed on May 10, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2025.15202. EDN: TBLEDG (In Russ.)
7. Konstantinova S. K. On Some Features of A. A. Fet's Poetic Antinomies. In: *Kurskoe slovo* [Kursk Word], 2010, no. 7, pp. 43–47. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_24930581_67132699.pdf (accessed on May 10, 2025). EDN: UZOLOZ (In Russ.)
8. Koshemchuk T. A. On Platonism in Tyutchev's Poetry and the Composition of “Platonic” Poems. In: *Ontologiya stikha: sbornik statey pamyati V. E. Kholshchevnikova* [The Ontology of Verse: A Collection of Articles in Memory of V. E. Kholshchevnikov]. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Publ., 2000, pp. 210–227. (In Russ.)
9. Losev A. F. *Filosofiya imeni* [The Philosophy of the Name]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1990. 269 p. (In Russ.)
10. Mal'chukova T. G. Antitheses and Antinomies in A. S. Pushkin Poetry (to the Question). In: *Problemy analiza khudozhestvennogo teksta: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya M. Yu. Lermontova: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Petrozavodsk, 3–5 iyunya 2014 g.) [Problems of Literary Text Analysis: to the 200th Anniversary of M. Yu. Lermontov's Birth: Proceedings of the International Scientific Conference (Petrozavodsk, June 3–5, 2014)]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014, pp. 62–65. EDN: TCPSTL (In Russ.)

11. Mirskiy D. S. *Istoriya russkoy literatury s drevneyshikh vremen do 1925 goda* [The History of Russian Literature from Ancient Times to 1925]. London, Overseas Publications Interchange Ltd Publ., 1992. 882 p. (In Russ.)
12. Nikol'skiy B. V. The Main Elements of Fet's Lyrics. In: *A. A. Fet: pro et contra: antologiya* [A. A. Fet: Pro et Contra: an Anthology]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2022, pp. 477–498. (Ser.: The Russian Way.) EDN: XITOUR (In Russ.)
13. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [The Complete Works: in 10 Vols]. 4th ed. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. 3. 496 p. (In Russ.)
14. Safonova T. V. "To Interrupt a Dreary Dream with a Single Sound." The Antithesis in the Lyrics of A. A. Fet. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2007, no. 5, pp. 13–15. Available at: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2007-5/13-15?ysclid=mfnzrbdm2c727534613> (accessed on May 10, 2025). (In Russ.)
15. Smirnov A. A. About Two Romantic Conceptions of Time (Pushkin and Fet). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1992, issue 2, pp. 94–101. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2363> (accessed on May 10, 2025). EDN: SFOKFH (In Russ.)
16. Stanislavskaya S. A. Antithesis as a Structural and Semantic Principle of Organizing a Poetic Text (Based on the Poetry of Anna Akhmatova). In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 2021, vol. 21, issue 2, pp. 166–170. Available at: https://bonjour.sgu.ru/sites/bonjour.sgu.ru/files/text-pdf/2023/05/9._s._a._stanislavskaya_1.pdf (accessed on May 10, 2025). DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-2-166-170. EDN: GAEDDC (In Russ.)
17. Tyutchev F. I. *Polnoe sobranie sochineniy i pis'ma: v 6 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 6 Vols]. Moscow, Klassika Publ., 2003, vol. 2. 640 p. (In Russ.)
18. Fet A. A. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [The Complete Collection of Poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1959. 899 p. (Ser.: Library of the Poet. Large Series. 2nd Edition.) (In Russ.)
19. Florenskiy P. A. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 1 (1): The Pillar and Affirmation of Truth. 490 p. (Ser.: Supplement to the Journal "Problems of Philosophy". From the History of Russian Philosophical Thought.) (In Russ.)
20. Bristol E. *A History of Russian Poetry*. New York, Oxford, Oxford University Press Publ., 1991. 372 p. (In English)
21. Mönch W. *Das Sonnet. Gestalt und Geschichte* [The Sonnet. Form and History]. Heidelberg, F. H. Kerle Publ., 1955. 341 p. (In German)
22. Wachtel M. *The Cambridge Introduction to Russian Poetry*. Cambridge, New York, Cambridge University Press Publ., 2004. 166 p. EDN: QSUAMN (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кошемчук Татьяна Александровна, Tatiana A. Koshemchuk, PhD (Филология), Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Speech Culture, Saint Petersburg State Agrarian University (Peterburgskoe shosse 2, Pushkin, Saint Petersburg, 196601, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525>; e-mail: koshemchukt@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.08.2025

Принята к публикации / Accepted 02.10.2025

Дата публикации / Date of publication 24.11.2025